

ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СТРАТЕГИИ "СИЛОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ"

А. Подберёзкин

Презентация на ежегодном совещании директоров и конструкторов
концерна ВКО "Алмаз-Антей" 3-4 июля 2019 г.

Глобальный режим силового противоборства и сотрудничества в новых условиях развития ВПО

Политика принуждения... может включать экономические санкции, карательные политические меры, кибернетические операции, тайные операции разведки, военную помощь, пропаганду, ограничения или манипуляции в области торговли, препятствия движению людей и товаров, поддержку политической оппозиции, а также другие меры. Эти меры и средства в целом обладают потенциалом слома воли, подчинения политики....

*Д. Гомберт и Г. Беннендижик,
авторы доклада РЭНД*

1

Характеристика современной ВПО и политика основных держав и акторов не могут быть поняты без осознания радикальных изменений в средствах и способах силовой политики, которые произошли в последние 20 лет, т. е. характере силового противоборства субъектов и акторов МО и ВПО. Более того, можно ожидать, что период развития военно-политической обстановки в мире (ВПО) 2019–2024 годов будет ещё более радикально отличаться не только от периода развития ВПО до 2014 года, но и самых последних лет: именно в эти годы эскалация политики «силового принуждения» в отношении России перешла в **качественно новую фазу прямого военно-силового противоборства**, когда доля невоенных силовых средств и мер в политике западной коалиции, с одной стороны, сократилась в пользу смешанных, военно-силовых, или «системно-асимметричных» средств и способов силового принуждения, а, с другой стороны, их значение в политике — усилилось.

Эта диалектика развития отношений предполагает, что эффективная политика должна обладать всем набором силовых инструментов и инструментов сотрудничества, которые также могут считаться инструментами силового принуждения, что очень хорошо продемонстрировал в своей политике Д. Трамп. Фактически это означает, что политика «силового принуждения» тождественна политике силового противоборства, сочетая в себе «в разных дозах» все элементы. Она наглядно видна, например, на политике США в отношении России последних лет, когда не военные инструменты силового принуждения — от информационно-когнитивных до торгово-экономических и финансовых — постоянно усиливаются военными силовыми инструментами — развитием инфраструктуры НАТО, развертыванием ПРО, маневрами, разведывательными полетами и т. п., — одновременно с периодическими попытками политико-дипломатическими средствами и разного рода переговорами также принудить Россию к изменению политической позиции, фактической капитуляции.

Иными словами, переговоры и элементы сотрудничества становятся таким же силовым инструментом политики как и традиционный набор силовых – военных и не военных – инструментов политики силы. Формально-логически эту политику можно изобразить следующим образом.

Таким образом в отношении между субъектами МО и ВПО, как правило, доминирует форма силового противоборства, когда существует очень широкий выбор силовых средств и мер и практически отсутствует такой набор средств при партнёрско-союзнических отношениях, что вполне соответствует реалиям международных отношений, когда «существуют вечные национальные интересы, но нет вечных союзников, либо врагов». В силу этого движение политики, как правило, направлено на разработку **максимально широкого спектра силовых средств противоборства**. Этот кажущийся парадокс объясняется достаточно просто: военные риски и финансовые издержки прямого использования военной силы оказываются очень высокими, а в ряде случаев (например, военного конфликта с Россией) и не приемлемыми.

Поэтому США и их союзники максимально широко и повсеместно начали использовать не военные средства и меры силового принуждения, эффективность которых, однако, обеспечивается в том числе и военными средствами. Получается, что политика силы должна максимально расширяться с точки зрения подготовки и применения самого широкого спектра не военных инструментов насилия, но одновременно её эффективность прямо зависит от военных средств и способов, которые используются как в «чисто» политических целях, так и прямо и непосредственно в качестве вооруженного насилия.

Те средства и способы силового принуждения, которые разрабатываются сегодня в США и странах-союзниках по военно-политической коалиции, представляют собой, как правило, принципиально новые способы силового принуждения России, её правящей элиты к политической капитуляции, которая, в конечном счёте, должна привести к национальной и государственной катастрофе. Поэтому необходимо сделать как минимум вывод о том, что средства и способы противодействия со стороны России должны быть такими же бескомпромиссными и эффективными. Они представляют собой широкий комплекс средств и мер силовой политики, где акцент концентрируется именно на силовых, но не военных средствах и мерах, включая силовые, переговорные методы в рамках политики, получившей в последние годы определение «публичной» дипломатии.

Соответственно, что в целом разработка и внедрение со стороны России эффективных средств и способов противодействия политике силового принуждения Запада и составляет суть понятия «эффективное стратегическое сдерживание», которое значительно шире, чем традиционное (и упрощённое) восприятие политики «ядерного сдерживания» («устрашения»).

Расширение спектра силовых сил и средств публичной и официальной дипломатии в XXI веке

Такая политика США и созданной ими коалиции в последние годы имеет ряд важных особенностей, которые позволяют говорить о новой стратегии США в мире, адаптированной к возникновению новых центров силы и появлению реальной угрозы их монополии на власть и контролю над развитием МО и ВПО. В целом современную внешнеполитическую стратегию силового принуждения США, которая сформировалась в последние годы при администрациях Б. Обамы и Д. Трампа, можно концептуально описать следующим образом:

Главная цель: сохранение контроля США над созданными финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире. Такой контроль важен как сам по себе, предоставляя США мощные конкурентные преимущества относительно других государств, но он важен и потому, что позволяет контролировать основные мировые ресурсы, используемые в том числе и в политических целях. Как правило, политики и эксперты в США к ним относят следующие:

Мировые ресурсы, контролируемые США

- США контролируют более 30% мировых иностранных инвестиций;
- доллар США – основа для мировых финансовых расчетов;
- 4 из 7 крупнейших мировых банков – американские;
- 7 ведущих медиакомпаний и 95% медиаресурсов – американские;
- США продают более 75% ВВСТ и оказывают военную помощь почти на 20 млрд. долл. ежегодно;

Мировые ресурсы, контролируемые США

- исследования и изобретения в мировой сети информации в основном американские;
- США контролируют основные мировые институты, включая прежде всего глобальную экономику;
- ВМС США обладают таким же превосходством на морях как и британский флот в 19 веке;
- разведывательные возможности США позволяют превосходят любые возможности зарубежных государств, предоставляя право знать всё о врагах и противниках;
- наконец, силовые возможности США в мире в действительности ещё больше потому, что к ним должны быть добавлены возможности союзников США в Европе и Азии.

Таким образом, амбиции США имеют под собой не только политическую, но и вполне конкретную материальную основу в форме огромных государственных ресурсов страны и союзников, чья численность в разные годы достигала 60 и более государств, связанных с США разного рода обязательствами. Афганистан и Ирак, а теперь и Сирия демонстрируют, что эти обязательства имеют под собой вполне реальную основу. Сохранению полного контроля США над финансово-экономической и военно-политической ситуацией в мире, по мнению правящей элиты США, угрожают три важнейших мировых тенденции: глобализация, распространение технологий и демографические сдвиги и несколько государств, прежде всего, Китай, Иран и Россия. Для того, чтобы обеспечить сохранение такого контроля предполагается использование системно всех имеющихся ресурсов и способов в рамках политики «силового принуждения».

Средства политики «силового принуждения»:

Все указанные и иные материальные, информационные и политико-дипломатические ресурсы, используемые системно, в комплексе, при гарантиях военно-силового обеспечения их применения, военного «прикрытия», позволяющего использовать их активно, без оглядки на возможные последствия.

С точки зрения политического и военного искусства можно выделить следующие особенности в способах и мерах политики «Силовое принуждения», которые были практически продемонстрированы США, начиная с операции в Афганистане и Ираке:

Способы политики «силового принуждения»:

Предполагают системное сочетание в политике трех групп способов силового принуждения (в порядке приоритетности):

- **Во-первых**, наращиванием собственного научно-технологического и промышленно-технологического превосходства . Так, в частности, рассматривая наиболее эффективные и наименее рискованные средства силового воздействия на Россию, в США пришли к выводу, что таковыми являются:
 - увеличение собственных запасов и переработки углеводородов;
 - наращивание потенциала фундаментальной науки и НИОКР;
 - организация дополнительной эмиграции в США качественного человеческого капитала.

Программа развития ОПК США Д. Трампа

Организация деятельности отраслей промышленности и технологий,
рассмотренных межведомственной Комиссией США
для подготовки доклада президенту США

Традиционные отрасли промышленности	Смежные отрасли промышленности (cross-cutting)
Авиационная	Кибернетика производства
Химическая, биологическая, атомная	
Наземные системы	Электроника
Оборудование и ракеты	
Ядерные боеголовки	Инструменты и приборостроения
РЭБ	Материаловедение
Судостроение	
Обеспечение л/с	Органические основы
Космос	Программное обеспечение
	Рабочие ресурсы

- **Во-вторых**, ослаблением политических, экономических и военных позиций как потенциальных противников, так и союзников:
 - противников — посредством санкций и других ограничений и трудностей, пересмотром соглашений и договорённостей, а при необходимости и полным отказом от них;
 - союзников — ухудшения внешних условий для их развития относительно США, в том числе и с помощью существующих и новых соглашений и договоренностей;
- **В-третьих**, политика «силового принуждения», при необходимости, поддерживается на всех уровнях противоборства превосходящей военной мощью США. Рассматриваются, например, три варианта возможной политики США в области развития ВКС и их возможностей как с точки зрения их последствий для политики «силового принуждения», так и для США и возможных рисков: «Вариант № 1», «Вариант № 2» и «Вариант № 3». Наглядно такая системная политика может быть проиллюстрирована, например, на следующем примере:

Меры в области создания авиационно-космических средств и их возможные последствия

Мероприятия в области воздушно- космической (ядерной) деятельности	Вероятность ослабления успеха в России	Преимущества	Стоимость и риски
--	--	--------------	-------------------

Вариант № 1: Изменения в доктрине и стратегии использования воздушно-космических сил

Перебазирование бомбардировочной авиации за пределы доступа РСМД	высокий эффект (с точки зрения затрат России на ПВО)	средний	небольшой
Перебазирование истребителей бомбардировщиков ближе к границам России	низкий эффект	скромный	высокий
Размещение дополнительного ТЯО	высокий эффект (с точки зрения затрат, России на ПВО)	небольшой	скромный
Развертывание систем ПРО США и союзников	низкий	низкий	скромный

Вариант № 2: Увеличение НИОКР в области ВКС США:

Увеличение инвестиций в технологии «невидимки»	скромный	скромный	скромный
Увеличение инвестиций в автономные ЛА	высокий	скромный	скромный
Увеличение инвестиций в ударную авиацию дальнего действия	высокий	высокий	скромный
Увеличение инвестиций в высокоскоростные ракеты	высокий	средний	средний

Вариант № 2: Увеличение НИОКР в области ВКС США:

Увеличение инвестиций в средства РЭБ	скромный	скромный	низкий
ВТО неядерные ракеты	скромный	скромный	высокий
Инвестиций в оружие в космосе	низкий эффект	скромный	высокий
Инвестиций в «космические самолеты»	скромный	скромный	высокий
Инвестиции акцент на небольших (ИСЗ) спутниках	низкий	скромный	высокий

Вариант № 3: Увеличение возможностей ядерной триады

Слои режима контроля над вооружениями	низкий	Скромный (незначительный)	высокий
--	--------	------------------------------	---------

Как видно из приведенных данных, создание тех или иных средств рассматривается прежде всего с точки зрения возможностей нанесения ущерба – РФ с минимальными издержками.

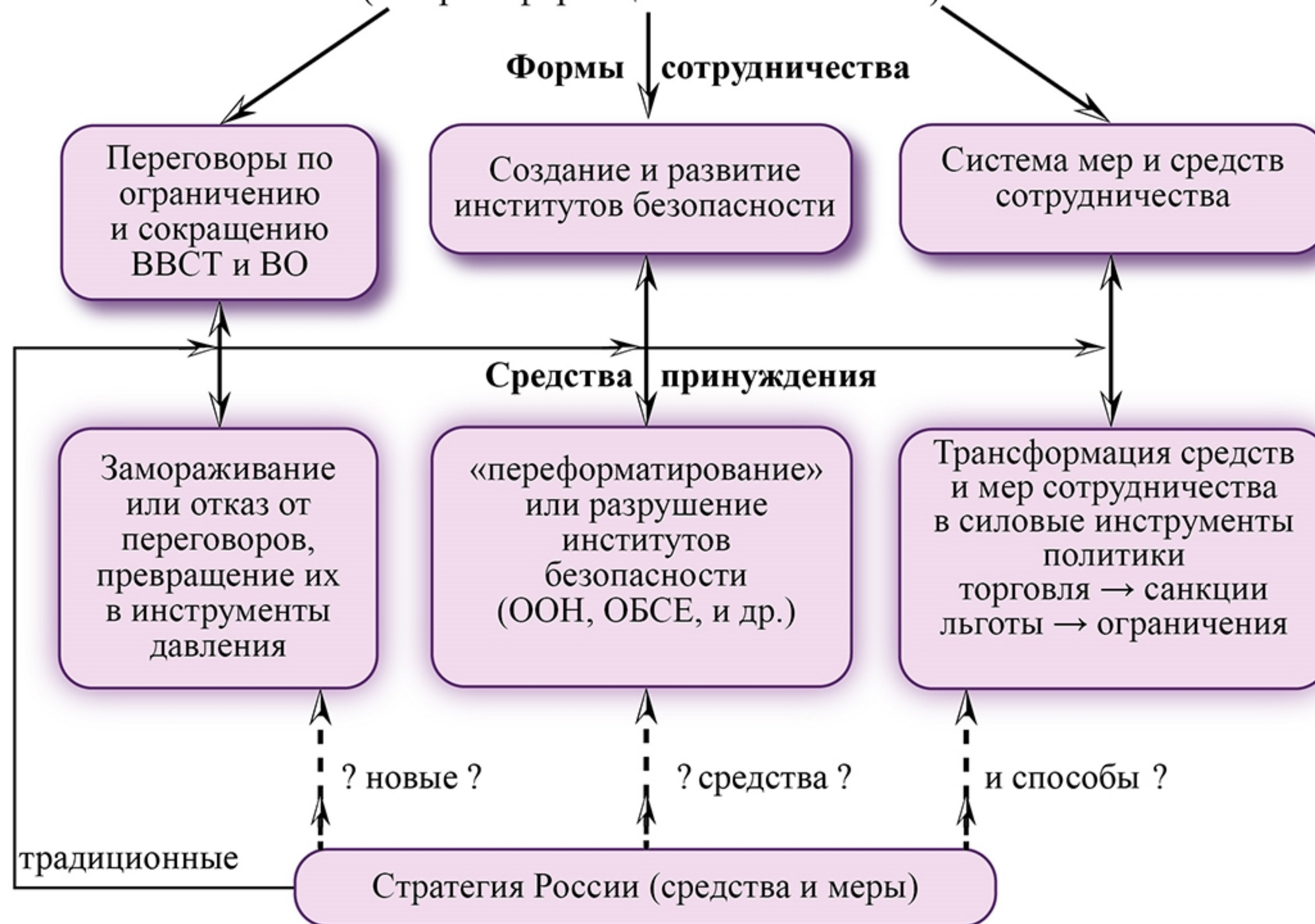
«Системно-ассиметричные» меры — Политические в своей сути меры силового принуждения, которые **сочетают как военные, так и не военные средства и меры силовой политики**, используемые одновременно, их как правило, параллельно. Примером могут служить действия США в отношении Ирана в 2019 году, когда США в 2018 году, отказавшись от Совместного всеобъемлющего плана действий, предприняли скоординированное системное силовое давление на Иран с целью принудить его к отказу от всех ядерных программ. США сами инициировали различные меры и санкции, включая военный шантаж, сочетание мер политико-дипломатического и информационного давления с военными угрозами и демонстрацией военной силы.

Коалиция Запада

Важно подчеркнуть, что в настоящее время и в будущем России будет противостоять широкая западная военно-политическая коалиция, включающая уже более 60 государств причем не только стран-членов НАТО, но и других союзнических государств США «в Европе и Азии». Соответственно и в подготовке и выборе средств и мер противодействия их политике «новой публичной дипломатии» и укрепления стратегической стабильности со стороны России предстоит учитывать это негативное обстоятельство. Причём как в политико-дипломатической, так и других областях. Скажем, позиция США в ООН и других международных организациях получает фактически автоматическую поддержку.

С точки зрения политико-дипломатических средств силового противоборства необходимо признать, что США и их союзники фактически начали с 2014 года процесс **демонтажа или, точнее, – приспособления** для своих интересов как традиционные переговоры и международные институты, так и весь набор традиционных политико-дипломатических средств – консультаций, переговоров, передачи информации и санкций: секторальных и персональных.

**Основные средства политико-
дипломатического влияния**
(их трансформация в 2010–2020 гг.)

Эта трансформация хорошо видна на примере их отношений **по трём крупным блокам проблем**, которые традиционно относятся к формам сотрудничества, но превратились в средства политики «силового принуждения»:

1. Ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности, где по всем основным направлениям наметился отказ США от сотрудничества и стремление пересмотреть имеющиеся договоренности с Россией и другими странами – прежде всего Ираном, КНДР и Китаем.
2. Политике эскалации санкций, которая после 2014 года приобрела откровенно политико-силовой характер не только в отношении России, но и ряда других стран.
3. Торгово-экономическим отношениям, которые фактически пересматриваются в одностороннем порядке со стороны США.

Системные меры «силового принуждения» западной военно-политической коалиции в отношении Российской Федерации

Лучше всего системные меры и средства «силового принуждения» в отношении России видны на примере разработки стратегии западной коалиции (НАТО+) в Европе. Эксперты предлагают четыре варианта подобной стратегии, рассматривая как их положительные, так и отрицательные последствия:

Вариант № 1: Увеличение ВС США и НАТО в Европе.

Вариант № 2: Увеличение количество маневров в Европе.

Вариант № 3: Выход из Договора РСМД.

Вариант № 4: Инвестиции в новые области с целью манипуляций оценками рисков в России.

Американские эксперты следующим образом оценивают последствия этих вариантов:

Европейские и глобальные последствия	Влияние на ослабление РФ	Преимущества	Издержки и риски
--------------------------------------	--------------------------	--------------	------------------

Вариант № 1 Увеличение ВС США и НАТО в Европе

Увеличение ВС США в Европе	скромное	скромное	скромное
Увеличение сухопутных сил членов НАТО в Европе	небольшое	высокое	небольшое
Размещение сил НАТО у границ РФ	скромное	скромное	высокое

«Вариант № 4» представляется наиболее перспективным, в особенности, если речь идет о следующих «подвариантах»:

Инвестирование в тактические системы «запрета на допуск»	высокий	средний	средний
Инвестирование революционных разработок по созданию средств преодоления систем «запрета на допуск»	высокий	высокий	высокий
Инвестиций в средства борьбы с противотанковыми и др. системами	низкий	низкий	низкий
Инвестиции в революционные роботизированные ВВСТ	средний	средний	средний
Инвестиции в средства, основанные на «новых» физических принципах	средний	высокий	высокий

Можно сделать вывод, что традиционная политико-дипломатическая деятельность России становится только **частью** общей политики развития стратегического сдерживания и усиления системного противоборства с западной коалицией посредством активизации силового противодействия.

Западная коалиция рассматривает свою политику в области НИОКР и производства новых средств ведения войны как наиболее перспективное направление политики «силового принуждения», что означает падение значения и роли переговоров. Естественно, что это потребует смену акцентов и постепенного пересмотра внешнеполитической стратегии в российской политике и, как следствие, изменения нормативно-правовых документов, организационных и иных мероприятий, особенно в области информационно-когнитивных средств.

Отсутствие перспективы достижения соглашений с западной военно-политической коалицией по тем или иным направлениям в 2019–2024 годы не должны означать отказа России от таких переговоров, а тем более российской инициативы в сокращении контактов или ограничении переговорных площадок.

Свёртывание политико-дипломатической активности России – очевидно в интересах Запада, который попытается распространить попытки политико-силового давления на нашу страну за пределы членов своей коалиции на более широкий круг участников МО. В этих целях по-прежнему будут использоваться самые разные, в том числе откровенно провокационные, политико-дипломатические меры и санкции.

Тем не менее по-прежнему средством противодействия России в этих условиях остаётся выдержка и упорное, даже демонстративное, сохранение любых каналов сотрудничества, **даже тех, которые, как может справедливо казаться, себя дискредитировали.**

Граница, вместе с тем, должна быть. Она обозначена сохранением уважения, национальной идентичности и суверенитета, но, главное, усилиями по развитию НИОКР.

Она также находится на рубеже, когда происходит оскорбление государства или его лидера. Отсутствие такой границы и адекватной реакции с нашей стороны будет только поощрять вседозволенность в выборе средств и мер силового принуждения.

Можно ожидать с высокой степенью вероятности, что политико-дипломатическая деятельность России и ряда других стран будет постоянно сталкиваться с политикой «силового принуждения» США и этих союзников в ближайшие годы по следующим основным векторам, которые можно назвать **стратегическими векторами политико-дипломатического противоборства:**

- **Пересмотру в свою пользу** существующих договоренностей по ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности или отказу от них, либо частичному или полному отказу от них;
- **Слому существующих институтов безопасности** (ООН, Совбез, ОБСЕ и др.), либо их реорганизация в интересах США, как, например, ЮНЕСКО или Международного уголовного суда;
- **Навязыванию неадекватного, выгодного только Западу отношения к решению глобальных проблем человечества.**

В целом эти проблемы и угрозы, являющиеся их следствием, являются главным полем для международной деятельности.

Естественно, что роль того или иного субъекта МО в решении этих проблем будет во многом предопределять его авторитет и место в будущем. Государства-лидеры являются не только самыми мощными субъектами МО, но и их авторитет будет определяться во многом их ролью в решении глобальных проблем в следующих областях, приоритетность которых можно определить на основании экспертных опросов следующим образом:

Наиболее приоритетные проблемы МО и вытекающие из них угрозы

Вопрос: Какие глобальные угрозы, по вашему мнению, представляют наибольшую опасность для человечества в ближайшие 20 лет? Укажите не более 5 вариантов

Загрязнение окружающей среды	474 (59,03%)
Терроризм и экстремизм	390 (48,57%)
Неравномерность мирового экономического развития	337 (41,97%)
Глобальный системный кризис	334 (41,59%)
Гонка вооружений	308 (38,36%)
Бедность и голод	272 (33,87%)
Изменение климата	251 (31,26%)
Мировая война	219 (27,27%)
Исчерпание природных ресурсов	212 (26,40%)
Деграция человека как биологического вида	182 (22,67%)
Эпидемии	158 (19,68%)
Кибератаки на критическую инфраструктуру	152 (18,93%)
Недружественный искусственный интеллект	74 (9,22%)
Падение астероида	17 (2,12%)
Враждебные инопланетяне	16 (1,99%)
Другое (в комментариях)	10 (1,25%)

Россия должна будет стремиться использовать все, даже самые незначительные, традиционные и иные возможности для продвижения вперед в области ограничения вооружений и военной деятельности в ближайшие годы, которые станут во многом для неё и всего человечества решающими. В то же время Россия должна прежде всего сконцентрироваться на решении вопросов национальной безопасности в области укрепления стратегического сдерживания в ядерной области, в частности, по следующим основным направлениям (излагаемым в порядке приоритетности на сегодняшний день):

1. – Прекращение гонки вооружений и ограничения военной деятельности на имеющихся направлениях, включая предотвращение гонки вооружений в космосе (ПГВК).

Технологические достижения последних лет создали возможность перехода гонки вооружений на качественно новый, значительно более опасный уровень. Можно с высокой степенью вероятности ожидать, что ещё до 2025 года произойдут радикальные изменения в качестве ВВСТ, которые самым решительным образом повлияют на их эффективность после 2025 года. Поэтому ограничение и сокращение стратегических – ядерных и не ядерных – вооружений становится острой актуальной задачей, решение которой в настоящее время пока что не просматривается.

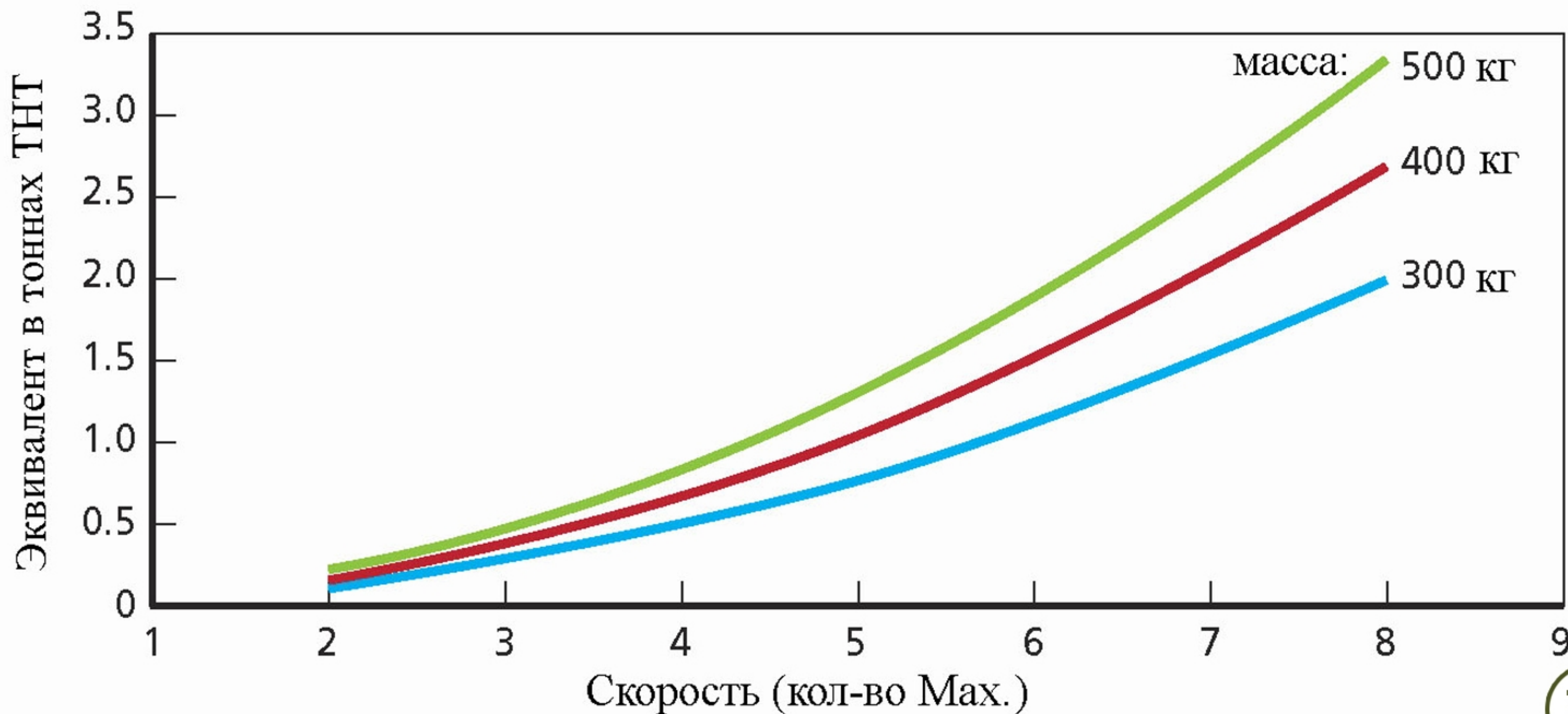
Переговоры и процесс ограничения ВВСТ будут во многом предопределяться:

- логикой эскалации развития военно-силового сценария ВПО;
- военно-технологической революцией, которые в 20-е годы будет развиваться особенно масштабно, выражаясь в «технологических прорывах» как на известных, так и на принципиально новых направлениях.

Самыми очевидными направлениями таких «технологических прорывов» ожидаются изменения в ВВСТ в следующих технологических областях:

- Массового появления в армиях разных государств высокоточного оружия (ВТО) разных типов базирования и самого различного предназначения, обладающих новыми качествами, например, способностью противодействовать средствам ПВО-ПРО и РЭБ.
 - Создание и внедрение гиперзвукового оружия различной дальности.
- Актуальность этой проблемы можно охарактеризовать примером того как мощь кинетического тела может стать оружием для решения стратегических задач, т.е. изменить представления об оружии и военном искусстве.

Эквивалент мощности взрыва в ТНТ от производной кинетической энергии

- Развёртывание ядерного и обычного оружия в космосе и в околоземном пространстве;
- Массовое производство и внедрение робототехники, включая БЛА, бронетанковых и инженерных видов ВВСТ;
- Создание новых типов ЯО, включая миниатюрных боеприпасов;
- Развёртывание качественно новых систем боевого управления, связи и разведки;
- Развертывание широкомасштабной системы ПРО США и их союзниками в разных регионах мира.

В этих направлениях удаётся, вероятно, в ближайшие годы сохранить ДРСМД и ДСНВ, хотя им угрожают достаточно актуальные вызовы со стороны США.

Кроме того, целесообразно попытаться инициировать переговоры по ограничению гонки вооружений на КР и в ООН, а также на любых иных площадках. В том числе следует попытаться активизировать процессы на имеющихся направлениях, в частности ПГВК.

2. – Укрепление значения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) как одной из основы международной безопасности, стратегической стабильности и важнейшего элемента режима нераспространения ядерного оружия.

Этот договор включает три составляющие, которые необходимо укреплять:

- ядерное нераспространение,
- ядерное разоружение и
- мирное использование ядерной энергии.

Основой такой работы остаётся План действий, принятый в 2010 году, а процесс ядерного разоружения должен осуществляться в строгом соответствии со Статьёй VI ДНЯО в «контексте всеобщего и полного разоружения» и общего подхода – поэтапного и последовательного создания условий по сокращению ядерных арсеналов.

Важно соблюдение двух условий:

- соблюдение всеми государствами своих обязательств;
- противодействие радикальным подходам к ядерному разоружению.

В этом контексте следует признать опасность принятого 7 июля 2017 года Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), означающего не более чем формальный запрет, когда происходит подмена проблем международной безопасности «гуманитарными стандартами».

Так, Статья 18 ДЗЯО вступает в противоречие со Статьей VI ДНЯО, закрепляя преобладание ДЗЯО над другими инструментами, ослабляя тем самым ДНЯО.

Россия способствует созданию зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), рассматривая этот процесс как инструмент ядерного разоружения. Она считает, что важную роль продолжают играть рекомендации Комиссии ООН по разоружению, принятые в 1999 году, в деле создания и оформления юридически ЗСЯО. Россия в 2011 году ратифицировала Протоколы 1 и 2 к Договору Пелиндаба и в апреле 2015 года – протокол к Семипалатинскому договору. Россия готова к подписанию Протокола к Бангкокскому договору. Эту позицию России необходимо всячески пропагандировать и продвигать в СМИ. На 2009 год безъядерными зонами были объявлены:

- Район Антарктики (Договор 1959 года);
- Латинская Америка (Договор Тлателолько 1967 года);
- Южная часть Тихого океана (Договор Раротонга 1985 года);
- Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор 1995 года);
- Африка (Договор Пелиндаба 1996 года);
- Средняя Азия (Семипалатинский договор 2007 года);

Кроме того, Статус безъядерного государства имеют
Монголия и Беларусь.

Позиция России, которую требуется продвигать в СМИ и общественном сознании:

1. Присоединение всей ядерной «пятерки» к протоколам о гарантиях остальных договоров по ДНЯО.

2. Разработка глобальной договорённости о гарантиях ядерной безопасности.

3. – Мораторий на производство расщепляющих материалов (РМ).

Целесообразно продолжить дальнейшие усилия России по ограничению распространения ЯО в области ограничения производства ядерных расщепляющихся материалов. Это направление объективно затрагивает интересы многих государств особенно когда РМ используются в мирных целях.

В этой области важно настойчиво продвигать тезис о том, что Россия не возражает против переговоров по договору о запрете производства расщепляющих материалов для создания ЯО (ДЗПРМ), однако считает, что:

- во-первых, переговоры должны идти на площадке КР в Женеве в рамках Программы работы и,
- во-вторых, на основе т.н. «мандата Шеннона», который предполагает вывод из сферы охвата уже наработанного РМ.

Таким образом, мы делаем акцент на нераспространенческом, а не на разоруженческом аспекте договора (Пакистан настаивает на зачете уже произведенного РМ).

Россия поддерживает работу ГПЭ ООН в 2014–2015 годах и принятие консенсусного доклада, полагая, что результаты могли бы стать основой для переговоров на КР в Женеве.

Есть основания полагать, что работа ГПЭ может быть продолжена в будущем в целях анализа контроля над производством РМ.

Как известно, США пытаются продвинуть идею ДРМ (договор о РМ), втягивая Пакистан, предлагая сделать предметом переговоров отдельные типы наработанного РМ, что абсолютно не устраивает Россию и Китай, чей ядерный оружейный комплекс не позволяет разделить гражданскую и оружейную составляющие.

Важно не допустить, чтобы дискуссия перешла в область американской инициативы, а тем более позволить США фактически взять под контроль производство всех РМ.

3. – Укрепление стратегической стабильности в отношениях РФ и США.

Здесь необходимо констатировать, что ситуация ухудшается, а диалог ослабел и превратился в пустую формальность. В июне 2017 года была отложена встреча по этим вопросам между заместителями министров иностранных дел РФ и США, которая состоялась в сентябре 2017 года в Хельсинки. На этой встрече США попытались нас обвинить в «нарушении договора о РСМД (принятии на вооружении КР 9М729 в составе комплекса оперативно-тактического назначения «Искандер», превышающей по дальности 500 км) и принятии опасных доктринальных установок (т.н. концепции эскалации для деэскалации).

От апрельской встречи в Вене США уклонились, а переговоры В.Путина и Д.Трампа в Хельсинки в июне 2018 года эту тему не затрагивали.

Эти претензии абсурдны и США их так и не доказали.

Наши претензии – реальны:

- производство и реальное испытание в качестве ракет-мишеней БР с характеристиками РСМД;
- развертывание БРПЛ с характеристиками РСМД;
- развертывание комплексов ПРО «Иджис Эшор» в Румынии, а в перспективе и в Польше;
- оснащение ЛА РСМД.

Россия в феврале 2018 года выполнила обязательства по сокращению СНВ в соответствии с ДСНВ от 2010 года, однако высказала озабоченность в отношении численности развернутых и не развернутых носителей. До 2021 года будет реализовываться контроль над соблюдением договора, но решения о будущих сокращениях нужно принимать уже сегодня, хотя стремления к этому у США не видно.

Диалог по крайне важной проблематике – ПРО – после прекращения диалога США в 2014 году, больше не возобновлялся, более того, видна значительная активизация усилий США по созданию широкомасштабной и глобальной системы ПРО:

- количество перехватчиков GBI достигло 44, а в будущем будет 104.
- перехватчик «Стандарт 3», может создать угрозу для СЯС России.
- развертываются дополнительные системы THAAD и «Патриот», что естественно, будет встречать ответную реакцию России.

4. – Ограничение размещения ЯО США на территории своих стран-союзников, прежде всего, по НАТО.

Особенно опасно делегирование полномочий по применения нестратегического ЯО США их союзниками, которые отрабатываются, например, в ходе учений «Стедфаст Нун – 2017» в октябре 2017 года на авиабазах Бельгии и ФРГ. Следует отметить, что «совместные ядерные миссии» – прямое нарушение ДНЯО.

Необходимо добиться возвращения всего ядерного оружия на территорию США и ликвидировать созданную инфраструктуру. Опасность, однако, многократно усиливается потому, что США планируют обратное – создание новых типов ядерных боеприпасов, включая малой мощности, и размещение их на территории своих зарубежных баз.

При этом правительства этих государств могут и не знать о наличии на их территории такого оружия.

5. – Противодействие развитию военного искусства в направлении допущения использования ядерного оружия отдельно, либо в комплексе со средствами ПРО, ВТО неядерных вооружений и стратегических неядерных вооружений.

Становится очевидным, что эволюция военного искусства в США развивается именно в этом направлении. Развитию именно этих возможностей и является реальными целями американской внешней и военной политики.

При этом в публичном пространстве активизируется критика военной доктрины и стратегии России, которой приписывается изменение характера использования ЯО с точки зрения его допустимости и даже желательности, хотя оно формулируется предельно точно в военной доктрине и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: в случае использования против России и его союзников ЯО, либо когда применение военной силы угрожает самому существованию государства (т. е. когда военный конфликт достигнет наивысшего уровня и будет угрожать выживанию страны).

В этой связи можно было бы вернуться к опыту СССР, когда предпринимались попытки сделать вопросы военных доктрин и использования ЯО предметом обсуждения, например, в ООН, либо на крупных международных конференциях. Определённый позитив от проведения таких публичных дискуссий был достигнут, но именно поэтому его ожидать в настоящее время вряд ли стоит. Актуальность этих вопросов предполагает, что Западу было бы трудно их игнорировать. Тем более, что по инициативе западных стран эта тема стала достаточно часто предметом обсуждения в прессе.

Вместе с тем рассчитывать на внимательное отношение к этим вопросам со стороны Запада не стоит. **Их реальное публичное обсуждение, а тем более заключение договорённостей, не является приоритетом.** Более того, по большому счёту США вообще не заинтересованы в обсуждении этих вопросов публично. Можно предполагать, вместе с тем, что на уровне помощников президентов и начальников Генеральных Штабов (ОКНШ США) эти вопросы могут обсуждаться чаще и более подробно чем сегодня.

Общие выводы

Главный вывод относительно современного состояния ВПО заключается в том, что Третья мировая (цивилизационная) война, которая фактически началась, **неизбежно будет расширяться по пространственному охвату и втягивать в свою воронку все больше государств, институтов и ресурсов.**

Этот вывод неизбежно диктует необходимость избавления от иллюзий, которые всё ещё существуют в российской правящей элите в двух основных трактовках:

Во-первых, иллюзии о готовности Запада смириться с независимым существованием России и её суверенитетом и национальной идентичностью, которая характерна не только либерально-демократической части общества, но и представляет собой заметный срез массового сознания.

Во-вторых, продолжающейся даже у военных иллюзии невозможности глобального конфликта, которая существует в разных аспектах, но смысл которой остаётся прежним: ядерная война немыслима, а, значит, и невозможна. Эту разновидность иллюзии можно отнести к «эффекту восприятия РВСН», когда ядерная война мыслится только в одно-единственном глобально-самоуничтожительном аспекте.

Между тем силовое противостояние будет нарастать, а её военно-силовая составляющая будет увеличиваться, что, на мой взгляд, вероятнее всего, приведет к полномасштабной войне сразу на нескольких ТВД, а, может быть, и глобальному конфликту. Крайне маловероятно, что даже такое опасное развитие ВПО, как в предыдущие десятилетия, сохранится даже на ближайшие годы, хотя и сегодня в мире одновременно «сосуществуют» более 50 – внешних и внутренних – военных конфликтов.

Можно, конечно, делать вид, что силовое противоборство между ЛЧЦ и центрами силы, отдельными государствами ещё не перешло в стадию военного противоборства (сотни тысяч уже убитых и убиваемых ежегодно не в счёт), но, как минимум, для себя необходимо понимать, что дальнейшее существование нации возможно только при её мобилизации и готовности в любое время отразить масштабную военную, а не только информационно-когнитивную и финансово-экономическую агрессию.

Характер и особенности всех этих будущих военных конфликтов до конца не известны, да и вряд ли могут быть известны вообще, – слишком стремительно развиваются ВВСТ и способы их использования, слишком динамична военно-стратегическая обстановка (СО), но уже ясно, что такое военно-силовое противоборство будет: – с военно-политической точки зрения, – борьбой военно-политических коалиций, представляющих разные локальные человеческие цивилизации, среди которых наибольшее развитие уже получила западная коалиция, аккумулирующая ресурсы более 60 государств; Россия в этой борьбе может рассчитывать на ограниченный круг союзников по ОДКБ и, возможно, некоторые другие – со стратегической точки зрения, – системной силовой борьбой, в которой будут использованы все средства политики – от когнитивно-информационных до стратегического оружия и оружия массового поражения;

– с политико-цивилизационной точки зрения, – бескомпромиссной схваткой, исключающей промежуточные соглашения, целью которой будет нанесение тотального, цивилизационного, поражения и принуждения противника к отказу от своей идентичности и суверенитета, навязыванию своих норм и правил.

Поражение может быть только полным и окончательным, а договорённости – бессмысленны потому, что они нужны только как инструмент победы.

– с военно-технической точки зрения, – будут использованы все имеющиеся виды и системы оружия и военной техники, как конвенциональные, так и ОМУ, причем имеющийся опыт говорит в пользу того, что военные действия будут носить длительный характер, который потребует значительных запасов ВВСТ и боеприпасов.

Правящие круги России теоретически могут выбрать три основных варианта, во многом альтернативных, стратегии поведения в области укрепления безопасности на 2019– 2025 годы, учитывая, что в 2014-2018 годы уже сложилась некая практика и инерция поведения, которая задала определенную инерцию и даже традицию поведения:

1. Стратегия № 1. («Стратегическое отступление»). Продолжить в будущем «Стратегическое отступление», которое имеет смысл только в том случае, если потом, позже, выигрыш во времени будет капитализирован в некие преимущества. Но мы пока что не знаем какие преимущества могут быть, а главное, мы не можем переломить тенденцию стратегического отступления ни во внешней политике, ни в социально-экономическом и технологическом развитии, которое характеризуется стагфляцией. Пока что говорить о прекращении «стратегического отступления» не приходится: мы продолжаем сохранять отставание от стран западной коалиции. Надо честно признать, что продолжение этой стратегии не имеет перспективы и неизбежно приведёт к капитуляции, что, впрочем, отнюдь не пугает значительную часть правящей элиты России.

2. Стратегия № 2. («Контрнаступление на отдельных участках»). Как разновидность «Стратегии №1», проявляющаяся изредка в настоящее время. Перейти окончательно к реализации нынешней «прагматической», «адекватной» политике, характеризующей некоторыми действиями «контрнаступательного» характера (ответные санкции, некоторые активные мероприятия в области политики и экономики, имеющие ограниченный характер). Попытаться использовать «адекватные (симметричные) ответные действия, которые очень слабо повлияют на политику «силового принуждения», переводя окончательно отношения с Западом в состояние прямой военно-силовой конфронтации.

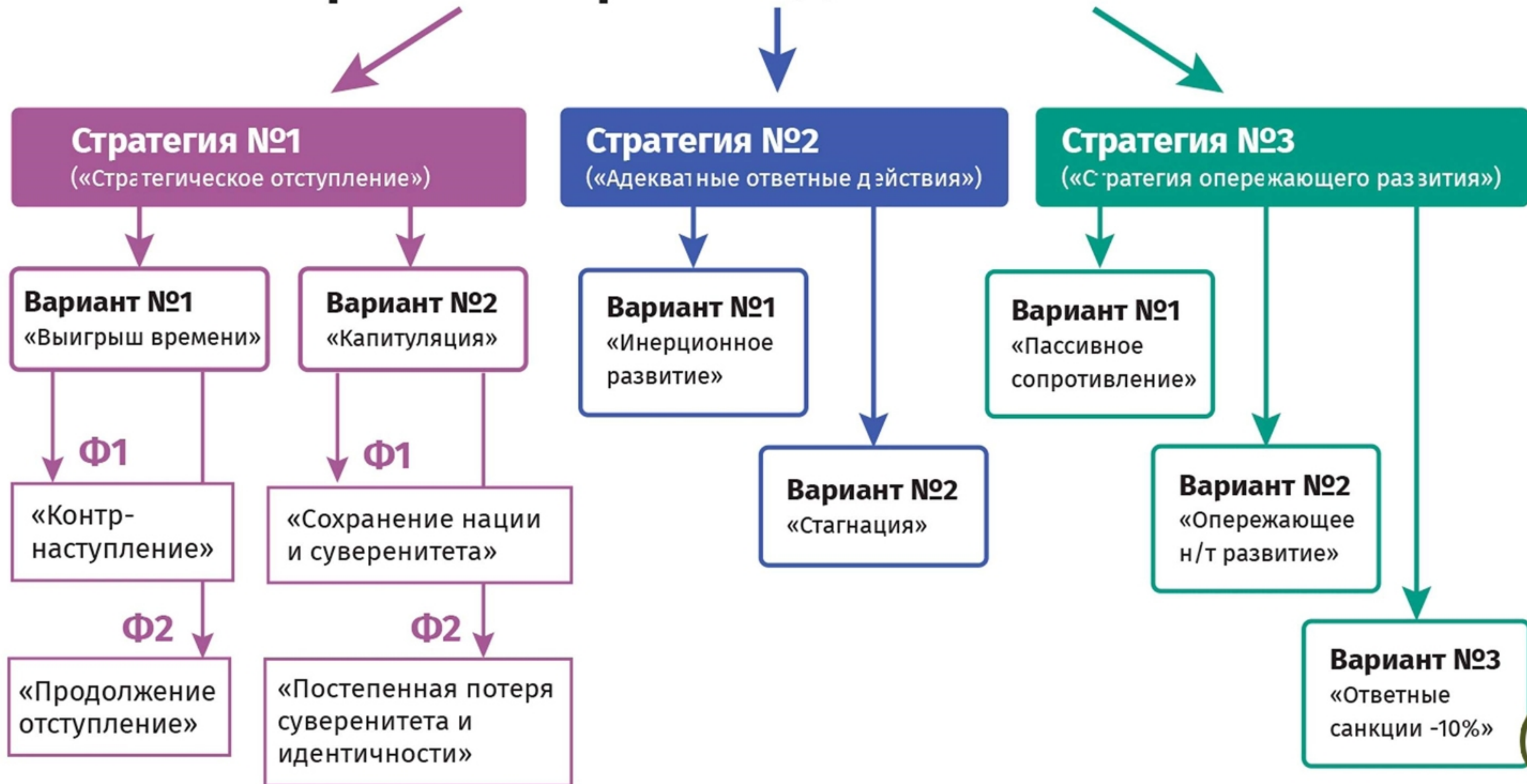
3. Стратегия № 3. «Стратегия опережающего развития», предполагающая концентрацию всех национальных ресурсов на внутреннем развитии НЧК, технологий и общества¹. По сути дела этот вариант стратегии аналогичен стратегии Д.Трампа, который во внешней политике ориентируется, как правило, на варианты развития национального потенциала США и ослабления потенциала противника и даже союзников. Эта стратегия, как и стратегия Д.Трампа, должна исходить из адекватной оценки преимуществ и рисков тех или иных решений прежде всего **с точки зрения научно-технического и социально-экономического ускорения развития России.**

1. Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – № 204 от 7 мая 2018 г.

Выбор, как видно, не особенно большой и не традиционен. У этих стратегий есть разные варианты конкретной реализации, но разнообразие этих вариантов не должно вводить в заблуждение — все они суть разновидности трех стратегий.

В самом общем виде эти стратегии противодействия можно представить как варианты стратегий развития России, которые ведут в конечном счёте к потере суверенитета и национальной идентичности, ограниченному суверенитету и возвращению России в число государств-лидеров локальных человеческих цивилизаций.

Стратегия противодействия России

С точки зрения практической реализации «Стратегии № 3», сказанное означает, что до 2025 года в рамках уже утвержденного правительством РФ в сентябре 2018 года плана мероприятий по национальным проектам и последующим действиям, требуется по сути повторить «маневр Д.Трампа» и сделать акцент на ускоренном научно-технологическом развитии прежде всего за счёт предприятий ОПК России, способных к опережающему развитию НИОКР и промышленности. «Выжать» аналогичный результат из других отраслей и подотраслей до 2024 года крайне сложно.

СПАСИБО

Подберезкин Алексей Иванович

www.eurasian-defence.ru

andrakup@yandex.ru

+7 (495) 434-85-34

ЦВПИ © 2019.